

Цюй Цзючуань оглянулся на него и снова покатился со смеху.

— Если хочешь уйти — иди, — отозвался Лянь Цзяньюэ. — Я могу снять Лянь Уцзэна с машины и отыскать дорогу сам. Ты и так проявил редкое благородство, доставив нас сюда.

— Исключено! — Цюй Цзючуань округлил глаза. — Я просто обязан своими глазами поглядеть на этот твой Храм Разрешения Мирских Уз. Неужто покойника там и впрямь можно кремировать?

Он чуть прищурился.

— К тому же, если у тебя начнется приступ астмы, ты и шагу ступить не сможешь. Да и куда я пойду? Кругом глушь, туман стоит стеной, роса ледяная...

С этими словами он шумно, театрально вздохнул, хотя в его вздохе слышалось скорее облегчение, нежели досада. Потянувшись всем телом и размяв затекшие плечи, водитель вернулся в кабину и устроился на своем сиденье. Закрепив телефон на держателе возле руля, он несколько раз ткнул пальцем в экран.

— У меня сеть пропала. А у тебя как?

У Лянь Цзяньюэ связи тоже не было. Буддийские песнопения, доносившиеся из колонок, начали прерываться, а ритуальная музыка то и дело тонула в треске и шорохе статических помех.

— Да и ладно, едем на север! — Цюй Цзючуань хлопнул ладонью по рулю и прибавил голосу уверенности. — Солнце встает вон там, значит, север все еще прямо перед нами!

Сняв машину с ручника, он завел мотор, и потрепанный фургончик, увозя двух живых и одного мертвеца, снова покатил на север.

Ворвавшийся в приоткрытое окно ветер принес с собой резкую прохладу. Чувствительный к холоду Лянь Цзяньюэ зябко поежился, поспешно поднял стекло и сильнее закутался в куртку.

— Послушай, а чем ты вообще на жизнь зарабатываешь? — внезапно поинтересовался Цюй Цзючуань.

Их взгляды встретились в зеркале заднего вида. Глаза водителя так и светились лукавством, в то время как пассажир смотрел на него бездонным, пугающе холодным взглядом.

— Мой наставник держит кузницу, — отозвался Лянь Цзяньюэ. — Я помогаю ему в мастерской.

— Университет-то окончил?

— Химик-технолог по образованию.

Цюй Цзючуань расплылся в широкой ухмылке:

— А я-то думал, ты либо мой коллега по ритуальному ремеслу, либо даосский монах, ну или на худой конец мастер фэншуй, заговаривающий беды. Экзамен по марксизму-ленинизму в вузе небось на высший балл сдал?

Лянь Цзяньюэ усмехнулся:

— Мир огромен, в нем всякое случается. Чему тут удивляться? Враг придет — выставим щиты, вода разольется — построим дамбу.

— Ну да, кривая вывезет, так? — Цюй Цзючуань снова поймал его взгляд в зеркале.

В щели разошедшихся оконных рам свистел холодный сквозняк. Подперев щеку рукой, Лянь Цзяньюэ шумно чихнул и принялся тереть переносицу. Собеседник тем временем умудрился наполовину развернуться к нему прямо на ходу:

— И все-таки нервы у тебя железные.

— На дорогу смотри, — шмыгнув носом, Лянь Цзяньюэ легонько подтолкнул его в плечо.

Водитель нехотя отвернулся и пожал плечами:

— Ну ладно, не такие уж и железные. Помирать-то никому не хочется, а?

— А кому хочется? — вздохнул Лянь Цзяньюэ.

— И что мне оставалось? — добавил он тише. — Закопать его прямо у дороги?

«А ведь это мысль, — подумал он. — И почему мне сразу такое в голову не пришло? Вырыть яму, предать Лянь Уцзэна земле по всем правилам. Так я и перед Цюй Цзючуанем долг закрою — заказ-то будет выполнен, и от обузы избавлюсь. Дело решено.»

Лянь Цзяньюэ осмотрелся по сторонам.

— У тебя в машине лопата найдется?

— Нет у меня лопаты, — ответил Цюй Цзючуань. — Да и вообще, если мы твоего старика посреди пустыря прикопаем, помани мое слово: он тебе спать не даст. Будет каждую ночь являться во сне и требовать везти его брэнную тушу в Храм Разрешения Мирских Уз на кремацию. У него с этим местом вообще что связано? Рассказывал чего?

Он помолчал секунду и продолжил:

— И еще, прописка-то у него во Внутренней Монголии была. Откуда ему знать про Храм Разрешения Мирских Уз, о котором даже Сяо Ван с Сяо Ли, здешние старожилы, отродясь не слыхивали?

— А ты, я гляжу, успел его биографию изучить, — заметил Лянь Цзяньюэ.

Цюй Цзючуань лишь усмехнулся.

— Ты ведь тоже не здешний? — спросил Лянь Цзяньюэ.

— Само собой. Про эти Черные земли я вообще никогда ничего не слышал. Никто даже словом не обмолвился.

— Что же тогда занесло тебя в такую глухомань заниматься похоронным делом? — полюбопытствовал Лянь Цзяньюэ.

— Как это что? Откликнулся на призыв поддерживать малый бизнес и развивать регионы! Начинать надо с самых низов, умирять гордыню и служить народу. Вот я и выбрал самый глухой медвежий угол, чтобы нести прогрессивные ритуальные услуги в массы.

— Прогрессивные услуги?

— А то! Ты ведь в детстве прожил здесь всего несколько лет, да и вернулся дней десять назад, так что многого не знаешь. Раньше в Каменной деревне покойников провожали фейерверками. Тело сжигали, а прах смешивали с порохом и забивали в петарды. А потом палили в небо — и чем громче бабахнет, тем лучше. Семья Сяо Ли как раз на этом промысле сидела. Традиция жила десятилетиями, пока недавно к нам не прислали нового старосту — молодого парня с дипломом. Тот сразу объявил обычай вредным пережитком феодализма и лавочку прикрыл. Вот тут-то на сцену и вышел я — помогаю местным приобщаться к цивилизованным стандартам погребения.

— Обо мне ты тоже неплохо осведомлен, — вкрадчиво произнес Лянь Цзяньюэ.

— Деревня крошечная, — хохотнул Цюй Цзючуань. — Тут даже если уши заткнешь, все равно все сплетни прослышишь. Ты уж не обижайся.

— Не обижаюсь, — покачал головой Лянь Цзяньюэ. — Но теперь, когда ты упомянул об этом... кажется, я припоминаю нечто подобное.

«В памяти всплыл эпизод из далекого детства: страшный, оглушительный грохот, заставивший его в испуге зажать уши. Тогда к нему подошел улыбающийся Лянь Уцзэн и ласково сказал: "Слышишь, А-Юэ? Покойника взрывают. Пойдем поглядим, а?"»

Пошли ли они тогда смотреть на это жуткое зрелище? Что он там увидел? Память хранила лишь пустоту.

— Когда Лянь Уцзэн на последнем издыхании велел отвезти его в Храм Разрешения Мирских Уз, я умолял его побереечь силы и замолчать, — заговорил Лянь Цзяньюэ. — Но он все пытался что-то сказать, шевелил губами, пока дыхание окончательно не пресеклось.

— Даже если мы его закопаем, черт знает, как отсюда выбираться, — отозвался Цюй Цзючуань. — Туман такой, что на расстоянии вытянутой руки ничего не видать. Леший нас кругами водит.

Он скосил глаза на зеркало и заговорщицки вскинул брови:

— Слушай, а у тебя случайно мочи невинного юноши не найдется? Быстро бы морок сняли.

Лянь Цзяньюэ в тон ему приподнял бровь:

— Хочешь сказать, у тебя у самого этот ценный ресурс уже иссяк?

Цюй Цзючуань прыснул от смеха.

— И что, кроме этого фольклорного метода, больше никаких средств против блуждания кругами нет? — спросил Лянь Цзяньюэ.

— Я бы загуглил, да сети нет, — вздохнул собеседник, бросив взгляд на экран телефона. — О, прекрасно! Батарея сдохла. Только что же половина заряда была!

Мобильник Лянь Цзяньюэ тоже превратился в бесполезный кирпич. Пока он безуспешно пытался его реанимировать, динамик под потолком вдруг исторг оглушительный визг, и машина резко затормозила. Обоих швырнуло вперед; Лянь Цзяньюэ чувствительно приложился лбом о спинку водительского сиденья. Буддийские напевы оборвались на полуслове, мотор жалобно чихнул и заглох.

— Бензин кончился... — выдавил Цюй Цзючуань.

Потирая ушибленный лоб, Лянь Цзяньюэ выглянул в окно. Густой молочно-белый туман плотно стиснул фургон со всех сторон. Казалось, они затерялись в заоблачной выси среди чертогов Небесного Дворца.

— Теперь я хотя бы примерно представляю, каково покойникам лежать в моем гробу с подсветкой «Небесный Дворец», — хмыкнул Цюй Цзючуань.

— Придется вылезать и искать дорогу пешком, — подытожил Лянь Цзяньюэ.

Цюй Цзючуань огляделся по сторонам, размышляя вслух:

— В такие аномальные зоны я попадал всего трижды в жизни. В первый раз помог тот самый фольклорный метод Сяо Ли. В остальные два мы просто ехали наобум, пока ночь не сменилась рассветом. Но сейчас-то уже день... — пробормотал он. — Нам что, торчать тут до заката, а потом ждать нового утра?

— Сидеть в салоне бессмысленно, — возразил Лянь Цзяньюэ. — Лянь Уцзэн уже начинает попахивать.

С этими словами он толкнул дверцу и шагнул наружу. Не успел он сделать и шага, как чья-то ледяная хватка мертвой петлей стянула его правое предплечье. Оглянувшись, он не обнаружил ни очертаний фургона, ни самого водителя — лишь белесую мглу.

— Цюй Цзючуань, это ты меня держишь? — спросил Лянь Цзяньюэ в пустоту.

— Я, кто же еще, — донесся глухой голос из туманной пелены. — Видимость нулевая. Стоило тебе выйти, как ты тут же растворился. Место гиблое, нельзя разделяться. Держись рядом, так спокойнее.

Немного подумав, Лянь Цзяньюэ согласился:

— Твоя правда. Я от машины на полметра отошел, а вижу только твою руку. Давай сделаем так: заберем носилки с Лянь Уцзэном и пойдем напролом. Куда именно — неважно, все лучше, чем сидеть сложа руки. Ты возьмешься за один край, я за другой. Так точно не потеряем друг друга в этом молоке.

— Ладно, — согласился Цюй Цзючуань. — Хватайся крепче и лезь обратно, заберем ношу.

Ухватившись за руку проводника, Лянь Цзяньюэ на ощупь пробрался обратно в салон. Цюй Цзючуань уже перебрался назад. Они приладили ремни носилок; водитель ухватился за передние ручки, а Лянь Цзяньюэ, нацепив пакет с провизией на запястье, поднял задние. Кивнув друг другу на прощание, парень спиной вперед шагнул из кузова и мгновенно растаял в тумане. Лянь Цзяньюэ последовал за ним.

Сырая мгла висела свинцовой тяжестью. Лянь Цзяньюэ не видел идущего впереди спутника — лишь ощущал, как натягиваются носилки. Даже силуэт Лянь Уцзэна под его ногами казался размытым серым пятном. Спустя несколько минут идти стало невозможно. Воздух сделался липким, будто болотная жижа; он оседал в легких влажным налетом, но в горле при этом нещадно першило. Лянь Цзяньюэ не выдержал и хрипло закашлялся.

— Живой там? — донесся изпереди голос Цюй Цзючуаня.

— Давай хоть поговорим, а то я иду вслепую. Того и гляди, сбежишь, как Сяо Ли, а я и не замечу.

— Все эти неприятности из-за меня, так что не переживай, я тебя не брошу, — успокоил его Лянь Цзяньюэ.

— А что у тебя там в пакете шуршит? — спросил Цюй Цзючуань.

— Яблоки, вафли и женьшень. Хочешь перекусить?

— Не отказался бы. Ты что, заранее готовился к выживанию в дикой природе? — хмыкнул Цюй Цзючуань. — А вообще, сюда надо съемочную группу какой-нибудь программы про паранормальные явления привезти. Наверняка всему виной какая-то магнитная аномалия или радиация. Как думаешь, под этими Черными землями нет залежей редких металлов? Вдруг почва из-за этого потемнела? Или военные проводят тут секретные испытания, вот и объявили зону закрытой?

Лянь Цзяньюэ невольно усмехнулся, но тут же сбился с дыхания.

— Давай сделаем привал, — тяжело дыша, предложил он. — Сядем прямо на землю, а носилки положим на колени.

— Идет.

Опустив носилки и придерживая их одной рукой, Лянь Цзяньюэ уселся, скрестив ноги. Нащупав в пакете яблоко, он протянул его вперед, в белую пустоту:

— Я протягиваю тебе яблоко. Видишь его?

— Ни черта.

Тогда Лянь Цзяньюэ положил фрукт на грудь мертвеца и слегка наклонил носилки в сторону напарника.

— О, теперь вижу! Поймал! — отозвался Цюй Цзючуань.

— И сразу в рот? — рассмеялся Лянь Цзяньюэ, услышав хруст.

— А разве это не мне предназначалось?

— Я просто пытался понять, как устроен этот туман, — пояснил Лянь Цзяньюэ. — На каком расстоянии пропадает видимость.

Раздался очередной сочный хруст.

— С голодухи и эксперимент за лакомство сойдет, — пробормотал Цюй Цзючуань.

— Ну и как, пришел к каким-нибудь научным выводам?

Лянь Цзяньюэ достал второе яблоко и вгрызся в спелую мякоть.

— У меня тоже в желудке пусто. Сначала поедим, потом обсудим.

Цюй Цзючуань негромко рассмеялся:

— Слушай, судя по твоим словам, отец у тебя боевыми искусствами промышлял? Что это за стиль такой, позволивший ему обрести нетленное тело?

— Сам толком не знаю. Он только говорил, что техника эта темная и скверная.

— И тебя не обучил?

— Лянь Уцзэн утверждал, что те, кто встает на этот путь, редко переживают тридцатилетие. А все последующие годы — лишь медленное, мучительное угасание.

— То есть, по его логике, он сам уже лет тридцать как ходячий мертвец? — изумился Цюй Цзючуань. — Сколько я его помню, старик всегда выглядел на удивление бодрым.

— Впрочем, в мире полно чертовщины, — добавил он. — Я еще в машине заметил: у твоего отца шевелюра черная и лоснящаяся, моим волосам до его здоровья далеко. У тебя, кстати, такие же.

— Я пью много травяных отваров, в них всегда добавляют горец многоцветковый. От него волосы растут быстрее и темнеют.

— Отец твой хоть и состарился, но в молодости наверняка был видным мужчиной — брови вразлет, взгляд соколиный. А ты, получается, в мать пошел?

Лянь Цзяньюэ опустил взгляд на усопшего. Лицо Лянь Уцзэна, скрытое белесой дымкой, казалось сплошным переплетением глубоких морщин. Черты расплывались, стирались, лишаясь индивидуальности. Словно перед ним лежал чужак. Лянь Цзяньюэ поймал себя на мысли, что совершенно не помнит, каким его отец был четверть века назад.

— Я никогда не видел свою мать, — негромко произнес он.

Приподняв веко покойника, Лянь Цзяньюэ всматривался в неживой глаз. О статных бровях говорить не приходилось, а уж о блеске во взгляде — и подавно.

Однако зрачок покойного, сохранивший пугающую четкость, внезапно отразил слабый отблеск. Слабое мерцание, похожее на искру, пробилось сквозь пелену, и туман над лицом мертвеца на мгновение рассеялся. Лянь Цзяньюэ потряс головой и протер глаза, недоверчиво всматриваясь в застывшие белки. Но видение исчезло. Он осторожно опустил веки отца.

Вокруг воцарилась зловещая тишина. Не слыша голоса напарника, Лянь Цзяньюэ слегка потянул носилки на себя:

— Цюй Цзючуань?

— Тут я, — шепотом отозвался тот. — Чувствуешь этот запах?

Голос его звучал напряженно.

— Пахнет горькой сердцевиной лотоса.

Лянь Цзяньюэ принялся. Воздух действительно пропитался странным, вяжущим ароматом — сладковатым и одновременно резким. Прежде чем он успел ответить, плотная стена тумана перед ними начала стремительно таять. Обернувшись, он увидел ошеломленного Цюй Цзючуаня, который застыл с полукруглым ртом, глядя прямо перед собой.

— Черные земли!.. — выдохнул тот.

Перед ними раскинулась бескрайняя угольно-черная равнина. Сама почва под их ногами изменилась — теперь они ступали по мягкой, темной как сажа земле. Границы этого жуткого плато терялись где-то за горизонтом. Ни холмов, ни деревьев, ни единого намека на рельеф — лишь звенящая пустота, простирающаяся во все стороны.

Над головой тускло светился белесый купол неба — без солнца, без облаков, источающий

ровный, мертвенно-бледный свет.

— Дело дрянь, — прошептал Цюй Цзючуань.

Он резко отпустил носилки, рванулся вперед и заслонил собой Лянь Цзяньюэ.

— Не шевелись...

Лянь Уцзэн от резкого толчка скатился на землю.

— Зажми нос! — крикнул Цюй Цзючуань.

Лянь Цзяньюэ не успел ничего спросить, как Цюй Цзючуань выхватил зажигалку, высек искру и швырнул ее прямо на черную землю. Воздух с сухим гулом вспыхнул. Огненная стена мгновенно поглотила приторный аромат лотоса, сменив его едким запахом гари. Огонь бушевал с бешеной силой, оставляя после себя лишь тлеющие, обугленные стебли неведомых растений. Наклонившись, Лянь Цзяньюэ подобрал один из обгоревших прутьев.

— Что это за трава?

Цюй Цзючуань резко обернулся. С тревогой в глазах он вырвал черную ветку из его рук и швырнул ее обратно в пламя.

— Это Призрачная Трава! Не смей к ней прикасаться!

Он снова повернулся к полыхающему полю, жадно пожирающему сухие заросли.

— Теперь все сходится... — пробормотал он под нос. — Никакой черной равнины нет. Этот морок нагнал аромат Призрачной Травы. Но откуда она здесь? Растет сама по себе или кто-то специально ее высадил?

«Призрачная Трава?» — мысленно повторил Лянь Цзяньюэ.

Посвятив немало лет изучению ботаники и фармакопеи, он впервые слышал это название. Воспользовавшись тем, что напарник стоит спиной, он незаметно подобрал уцелевший обгорелый стебелек и спрятал его в карман куртки.

— Откуда тебе известно про эту траву? — спросил он Цюй Цзючуаня.

Алое пламя очертило силуэт Цюй Цзючуаня зловещей огненной каймой. Не оборачиваясь, он ответил со всей серьезностью:

— Долго объяснять. Просто делай то, что я говорю.

Лянь Цзяньюэ внимательно изучил его позу. Цюй Цзючуань стоял в классической оборонительной стойке: центр тяжести смещен назад, стопы на ширине плеч, ноги полусогнуты в устойчивом мабу. Одна рука прикрывала грудь, другая замерла у пояса. Так защищаются только мастера боевых искусств при встрече с неведомой угрозой — выверенная, инстинктивная реакция, отточенная до автоматизма. Более того, Лянь Цзяньюэ ощутил исходящую от него едва уловимую волну тепла. Это не был жар от костра — мягкое, обволакивающее излучение рождалось в самом теле проводника. Внутренняя энергия ци, чистая и плотная. Сомнений не оставалось: перед ним стоял истинный адепт боевых искусств.

— Еще в больнице я заподозрил неладное, — ровным голосом произнес Лянь Цзяньюэ. — Ты ведь из мастеров уся, верно?

«Раньше у него оставались сомнения. Когда тот калека со второй койки замахнулся костылем, Цюй Цзючуань перехватил удар легким движением. Было ли это осознанной демонстрацией мастерства или нападавший просто сдержал силу, не желая калечить постороннего? Теперь все встало на свои места: Цюй Цзючуань разгадал выпад противника и рассеял его импульс точным ударом, наполненным внутренней энергией.»

Цюй Цзючуань скосил глаза в его сторону, не меняя боевой стойки, но заговорил с привычной небрежностью:

— Тот калека бил всерьез, удар мог стать смертельным. Я решил, что ты обычный простак, а я жуть как не люблю, когда всякие умельцы обижают слабых. Но теперь я вижу, что ошибся. Ты ведь тоже из наших? Умело прячешь дыхание. Хотя постой... — Он на мгновение запнулся. — С твоим-то здоровьем...

«Значит, он не заметил, как я перенаправил вектор удара того хромого», — отметил про себя Лянь Цзяньюэ.

— Я не обучался боевым искусствам, — ответил он вслух. — Просто судьба сводила меня с разными людьми. Кое-что подсмотрел, кое-что запомнил. Долгая история.

— Ты прямо как Ван Юйянь из «Полубогов и полудемонов», — усмехнулся Цюй Цзючуань.

Лянь Цзяньюэ хотел было возразить, но его прервал новый приступ удушающего кашля. Огонь продолжал пожирать Призрачную Траву, застилая все вокруг густым черным дымом. Легкие, опаленные ядовитой гарью, не выдержали нагрузки — Лянь Цзяньюэ согнулся пополам, и на серую землю брызнула темная кровь.

Цюй Цзючуань тут же подскочил к нему и поддержал под руку:

— Я же просил закрыть нос! Ты как?

На лице водителя отразилось замешательство.

— Странно... От дыма Призрачной Травы так сильно не кровят...

— Все в порядке, — прохрипел Лянь Цзяньюэ, опершись на край носилок и положив руку на плечо усопшего отца.

Он попытался выровнять сбившийся ритм дыхания.

— Просто устал за день. Расскажи лучше, откуда берется эта Призрачная Трава?

— Сам без понятия, — покачал головой Цюй Цзючуань. — Знаю только, что ее пыльца погружает человека в глубокий транс. Но чтобы ее росло столько в одном месте... О таком я даже не слышал.

Вдруг он вскинул голову и указал вперед:

— Гляди!

Лянь Цзяньюэ поднял глаза. Сквозь стену огня и копоты метрах в десяти впереди проступили очертания древнего здания. Над его входом угадывалась покосившаяся вывеска, на которой, словно ожившие черные змеи, извивались два иероглифа. Приглядевшись, он узнал надпись: «Разрешение Мирских Уз».

— Так вот оно что! — восторженно воскликнул Цюй Цзючуань. — Этот Храм Разрешения Мирских Уз годами прятался за ядовитым барьером из Призрачной Травы!

Он помог Лянь Цзяньюэ подняться на ноги. Взгляд его внезапно стал серьезным и испытующим:

— Но откуда твой старик знал дорогу? Неужели он бывал здесь раньше и знал, как обойти ловушку?

<http://bllate.org/book/19697/1985566>